

Глубокой ночью разразилась гроза. Грохотал гром, а с неба, не переставая, лил плотный, как стена, ливень.

Е Ишу резко проснулся и сел на кровати. Длинные волосы рассыпались по спине, осанка оставалась безупречно прямой. Он медленно поднял руку; тонкая, застиранная до белизны рубаха облепила его худощавое, но жилистое тело.

Раздался звонкий всплеск — прямо на ладонь упала тяжелая капля.

Е Ишу поднял голову. В полумраке комнаты его взгляд казался тяжелым и мрачным.

— А-Шу, А-Шу, открой матушке, — донеслось из-за двери.

Он откинул тонкое одеяло и, наскоро обувшись, пошел открывать.

На пороге стояла Ши Пулю. Кутаясь в наброшенную на плечи кофту, она прижимала к себе деревянный таз, а в другой стягивала масляную лампу.

— На улице-то как льет... — тревожно проговорила она. — У тебя в комнате не течет?

— Течет, — Е Ишу перехватил у нее таз и быстро поставил его на кровать, прямо под дыру в потолке.

Увидев это, Ши Пулю огорченно нахмурилась.

— Вот напасть. Как дождь стихнет, попрошу отца на крышу залезть, подлатать там всё.

— Хорошо, мам. Иди ложись, — мягко ответил он.

— Угу, — она еще раз обвела взглядом тесную каморку, где едва умещались кровать да сундук. Убедившись, что капает только в одном месте, матушка вышла, прикрывая огонек лампы ладонью.

Е Ишу запер дверь и под раскаты грома вернулся к постели.

Мерный стук капель по дереву — «кап-кап, кап-кап» — вторил шуму снаружи. Небо словно прорвало, превращая двор в бурлящий поток. В такой духоте и тесноте, под аккомпанемент протекающей крыши, сон окончательно улетучился.

Он забрался на кровать и забился в угол. Прижавшись спиной к неровной стене, прикрытой грубой мешковиной, Е Ишу смотрел в пустоту, слушая ярость стихии.

Сон у него всегда был чутким, а слух — острым. Он знал по опыту: если проснулся среди ночи, то заснуть получится разве что к предрассветному часу.

Мысли его путались. Он думал о болезни матери, о том, как достать лекарства... Прошрое, словно пестрые картинки в калейдоскопе, всплывало в памяти — прежняя жизнь, в которой не осталось ничего, о чем стоило бы жалеть.

В полузабытьи ему почудилось пение петуха. Когда он наконец провалился в глубокий сон, время было уже давно за полночь.

***

К утру ливень стих.

Выйдя во двор, Е Ишу увидел, что каменные плиты вымыты до блеска. Эти плиты когда-то давно прадед семьи Е специально раздобыл для деда, выказывая особое расположение.

На изгороди листья тыквы отливали густой, почти черной зеленью, а на их ворсистой поверхности дрожали хрустальные капли. Ши Пулю, согнувшись, раздвигала листву в поисках плодов. Она ловко подрезала маленький, нежно-зеленый кабачок и выпрямилась.

— Мам, — окликнул ее Е Ишу.

— Братец! — из соседней двери, протирая заспанные глаза, выбрался Доумяо.

Е Ишу перехватил его руку и отвел от лица.

— Не три, грязь занесешь.

— Ну ладно, — сонно пробормотал мальчишка.

Ши Пулю обернулась и, увидев сыновей, стоявших плечом к плечу под навесом, улыбнулась:

— Как спалось-то?

Е Ишу молча кивнул.

— Одеяло не вымокло? Может, вынести просушить? — заботливо спросила мать.

— Нет, сухое. Я проснулся, как только гроза началась, — ответил он.

Расспросив сыновей, Ши Пулю кивнула в сторону кухни:

— В котле горячая вода, веди брата умываться. Скоро и завтрак будет готов.

— Почему сегодня опять ты готовишь? — лицо Е Ишу мгновенно помрачнело.

Доумяо надулся, всем видом выражая солидарность с братом.

Ши Пулю подошла ближе, сжимая в руках тыкву. Она опасливо покосилась на главный дом и прошептала:

— Ой, да тише вы... Будет вам. Дед и так на вас злой, неровен час — удар его хватит от ваших выходов, что мы с отцом тогда делать будем?

Она вздохнула и добавила тише:

— А младшая тетушка... она еще спозаранку забрала Цзиньбао и ушла. Видать, опять у своих родителей решила остаться.

— А младший дядя? Не возвращался?

Мать лишь печально качнула головой.

Они вошли в кухню. Е Ишу не успел и шага сделать к очагу, как Доумяо юркнул вперед и устроился на скамеечке у огня. Старший брат не стал спорить: сначала умылся и почистил зубы сам, а после сменил пригревшегося мальчишку.

В какой-то момент дрова подошли к концу.

Ши Пулю вышла к задней стене дома за охапкой сухого хвороста. Это были стебли масличного рапса — горели они жарко, с веселым треском и искрами.

Доумяо, вытирая лицо, убедился, что матери нет рядом, и мигом подскочил к брату.

Е Ишу, заметив его заговорщический вид, легонько щелкнул малого по лбу:

— Говори уже, что задумал.

— Братец! Ты не представляешь, что я вчера подслушал!

— И что же? — Е Ишу решил подыграть маленькому шпиону.

Доумяо подался вперед, активно жестикулируя:

— Я слышал, как мама с папой шептались. Хотят просить бабушку позвать сваху... Сватать тебя надумали! Хотят, чтобы ты семью посмотрел.

Е Ишу лишь пару раз моргнул.

— Вот оно что... — спокойно отозвался он.

— И ты даже не удивился?

Баоцзы как-то говорил, что его брат, когда речь заходила о женитьбе, краснел до кончиков ушей. Доумяо принялся пристально разглядывать лицо Е Ишу... Но нет, всё по-прежнему: кожа чистая, разве что легкий румянец, как на спелом горном персике.

Е Ишу накрыл ладонью голову брата и хорошенько взъерошил его волосы.

— Почему же, удивился.

— А тогда почему ты...

— Это называется — не выдавать своих чувств, — наставительно произнес он, дурача ребенка.

Доумяо тут же уставился на него с еще большим почтением, отчего Е Ишу едва сдержал смешок.

— О чем это вы тут шепчетесь, соколики? — в дверях появилась мать.

Мальчишка подскочил как ошпаренный и со всех ног бросился вон из кухни.

Е Ишу лишь покачал головой. «Глупый ребенок, сам же себя и выдал».

***

На завтрак была жидкая рисовая каша с тыквой и молодым зерном.

В их доме всегда лучше всех кормили главу семьи, а всё потому, что дед — младший сын в

своем роду, привыкший к почету.

Когда еда была подана на стол, дед с бабушкой не вышли сразу, как обычно. Отцу пришлось звать их трижды, прежде чем они соизволили явиться с таким видом, будто ничего не произошло.

Едва сев за стол, Ли Сынян объявила:

— С завтрашнего дня переходим на двухразовое питание.

Ши Пулю, низко опустив голову, покорно кивнула.

В душе у Е Ишу поднялась волна раздражения, но он промолчал. «Ничего, — думал он. — Настанет день, когда эти двое, привыкшие всю жизнь почивать на лаврах, сами себе кашу варить будут. А мать переедет со мной в большой дом и горя знать не будет».

Е Чжэнкунь украдкой глянул на стариков. Жена под столом легонько подтолкнула его локтем, призывая к действию.

Отец сжал кулаки, собираясь с духом, но не успел он раскрыть рта, как калитка во дворе со скрипом распахнулась.

Вернулась Цзинь Лань. Одна. Увидев, что все уже сидят за столом, она недовольно проворчала:

— Матушка, батюшка, я припозднилась.

— Что же ты у своих родителей не поела? — резко спросила Ли Сынян.

Лицо Цзинь Лань на миг окаменело, но она тут же фыркнула:

— Да приелось мне там всё.

Старуха посмотрела на нее с еще большим отвращением.

Раньше она души не чаяла в этой невестке, но теперь из-за ее выходок семья Е стала посмешищем на всю деревню. Стоило Ли Сынян выйти за ворота, как прохожие начинали шептаться и тыкать пальцами. Теперь они со стариком лишней раз и носа на улицу не совали.

Цзинь Лань сделала вид, что не заметила взгляда свекрови, и бесцеремонно уселась на табурет.

Е Чжэнкунь, видя, что отец уже потянулся за палочками для еды, поспешно заговорил:

— Батюшка, матушка, я хотел обсудить с вами одно дело.

Старики синхронно нахмурились.

— Что еще за дело? — неприязненно спросила Ли Сынян.

Отец нервно потер пальцы друг о друга, голос его звучал натянуто:

— Мы... мы подумали, что пора бы А-Шу посватать. Ему уже восемнадцать исполнилось.

Ли Сынян изменилась в лице, но через мгновение натянула елейную улыбку.

— Братец Шу еще молод, — заговорила она назидательно. — Вы же сами раньше хотели подольше его при себе подержать. Я так скажу: торопиться не стоит, он ведь еще совсем дитё, в таких делах ничего не смыслит.

Она сделала глоток каши и продолжила:

— Хлеба в доме хватает, лишний рот нас не разорит. Посмотри на себя, посмотри на старшую сестру — оба до двадцати в девках да в бобылях ходили, и ничего, нашли себе приличную пару.

Е Ишу, слушая это, горько усмехнулся про себя. «Ну и мастерица вы речи вести, бабуля. Тетушка до двадцати дома горбатилась, и если бы сама себе мужа не высмотрела, вы бы ее за первого встречного вдовца спихнули».

Да и отец... Он пахал на эту семью до двадцати двух лет. Видя, что Ли Сынян и не думает его женить, сам нашел сваху и всё устроил. Даже деньги на свадебные подарки сам собирал.

А бабушка? Пальцем о палец не ударила, зато умудрилась выманить у родни матери пять лянов серебра и прибрать к рукам.

Черное у нее всегда становится белым.

А уж про младшую тетю и говорить нечего. Ту в шестнадцать выдали, едва бабуля прознала, что жених городской и выкуп дает богатый. И как только тетюшка все эти годы нос воротит, лишь изредка заглядывая ради приличия, сразу ясно, сколько «заботы» в тот брак было вложено.

Старуха была против, и отец — этот образцовый сын — обычно сразу пасовал. Но сегодня Е

Чжэнкунь казался непривычно твердым, чем не на шутку встревожил младшую тетушку.

Е Ишу решил не вмешиваться.

Цзинь Лань, после бабушки, больше всех хотела, чтобы племянник оставался в доме. Пока он охотится, у нее на столе не переводится мясо. А если старуха продает добычу и копит серебро, то Цзинь Лань уверена: по доброте душевной и за любовь к младшему сыну, эти деньги рано или поздно достанутся ей.

Упустить такую выгоду она не могла.

— Вот-вот, матушка истину глаголет! — встряла Цзинь Лань, расплываясь в фальшивой улыбке.
— Наш Братец Шу — писанный красавец. Да в нашей деревне за него пол-округи пойти готово, а там, глядишь, и в городе, и в самом уезде кто заприметит.

Она покосилась на деда и продолжила:

— О чем вы только думаете, брат, невестка? Дни, проведенные гээр дома, — на вес золота. Выдадите замуж, потом сами же плакать будете, да поздно станет. С его-то умениями он и сам на ноги встанет, да так, что любой за него в примаки пойти согласится!

— Но ведь... в деревне больше нет гээр, кому восемнадцать, а они еще не... — попыталась возразить Ши Пулю, в волнении теребя подол платья.

— Хватит! — Ли Сынян хлопнула ладонью по столу. — Я сказала — не к спеху, значит, не к спеху. Я всех четверых сыновей женила, неужто в этом деле не разберусь? Будет так, как я сказала!

Е Чжэнкунь поник, плечи Ши Пулю бессильно опустились. Даже Доумяо сидел мрачнее тучи, выпятив губу так, что хоть горшки вешай.

Е Ишу смотрел на них, и в сердце его разливалась горечь.

К своему будущему он относился проще. В это время замужние гээр теряли ту свободу, что была у него сейчас, и его нынешняя жизнь его вполне устраивала.

Но родители... они всю жизнь прожили здесь, впитав эти устои и правила. В их мире гээр обязан выйти замуж, как только придет срок. Даже в его прошлой жизни таких родителей было пруд пруди.

Е Ишу понимал их чувства. Если дойдет до дела — что ж, он сходит, посмотрит. В конце концов, родители уважали его выбор. Понравится человек — можно и жизнь вместе скоротать.

Не понравится — ну и ладно. Пускай сваха ищет дальше.

Но сейчас, видя, как отец и мать, собрав в кулак всю свою смелость, пытались помочь ему, и как их растоптали дедушка и бабушка и прислужница-тетка, он почувствовал на языке вкус желчи.

«Разве это семья?»

Он мог быть вольным охотником, но смотреть на то, какими жалкими и запуганными выглядят его родители, было выше его сил.

Е Ишу сжал кулаки. Нужно срочно добыть денег. Охота — дело ненадежное и опасное, родители каждый раз изводятся от страха, когда он уходит в лес.

Нужно искать другой путь!

<http://bllate.org/book/13660/1582995>